

УДК 81'23
ББК Ш100.3

ГСИТИ 16.21.51; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

В. И. Карасик В. I. Karasik
Волгоград, Россия Volgograd, Russia

АКСИОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ КАК ЕДИНИЦА ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Рассматривается аксиогенная ситуация как референтная основа ценностной картины мира. Доказывается, что такая ситуация характеризуется признаками важности для коммуникантов, ценностной мотивированности и возможности символического переосмысления. Для осмысления таких ситуаций выработаны специфические жанры речи, к числу которых относятся легенды, притчи, пословицы, анекдоты и казуальные нарративы.

Ключевые слова: ценности; лингвокультурология; картина мира; концепт, аксиогенная ситуация.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, к. 4-33.
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

AXIOGENIC SITUATION AS AN EVALUATIVE WORLD MAPPING UNIT

Abstract. The article deals with evaluative linguistic mapping of the world. A new notion — axiogenic situation — is introduced to denote a basic referential unit of such mapping. I argue that such a situation is characterized by communicative relevance, evaluative potential and symbolic reconsideration. Axiogenic situations generate specific genres of speech including legends, parables, proverbs, jokes and axiogenic casual narratives.

Key words: values; Linguocultural Studies; mapping of the world; concept; axiogenic situation.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chair.

Place of employment: Volgograd State Social Pedagogical University.

400131, pr. Lenina, d. 27, k. 4-33.

Лингвокультурное моделирование реальности предполагает, что исходным моментом для построения модели того или иного фрагмента языковой картины мира является специфический референт, допускающий ценностно маркированное осмысление. Например, человек, совершающий выдающийся поступок, либо стихийное бедствие, несущее гибель многим, либо нелепое событие, о котором все вспоминают с улыбкой, и т. д. Такие референтные ситуации предлагается обозначить как аксиогенные (ценностнопорождающие). Их список весьма широк, но поддается исчислению. Аксиогенные ситуации осмысливаются в виде концептов — квантов переживаемого знания — и объективируются в семантике слов и фразеологизмов, в высказываниях, определенных сюжетах и жанрах речи [Бабаева 2003; Вежбицкая 1999; Воркачев 2007; Дементьев 2013; Карасик 2004; Колесов 2004; Красавский 2008; Ларина 2009; Пименова 2004; Степанов 1997; Стернин 2001; Шмелев 2002]. Эти ситуации могут быть представлены динамически, в виде событий, и статически, как стабильные ценностно маркированные положения дел. В качестве подобных событий фигурируют удивительные, героические, жестокие, смешные, глупые и другие происшествия, оставшиеся в памяти людей. Повторяясь, они становятся прецедентными явлениями [Красных 2002; Слышкин 2004].

Особенно значимыми являются поступки, т. е. действия, предполагающие выбор и свидетельствующие о приоритетах действующего лица.

Аксиогенные события вербализуются в специально созданных для этого жанрах речи — легендах, притчах, пословицах, анекдотах и описаниях случаев из жизни (фактических и фикциональных).

Проиллюстрируем сказанное.

В греческой легенде о нимфе Харикло и ослеплении ее сына Тиресия говорится, что после низвержения древних титанов приманила к себе богиня Афина юную бессмертную титаниду Харикло, и нимфа стала подружкой богини. У нимфы был сын, смертный юноша Тиресий, и однажды, бродя по горе Пелион, он услышал радостный смех, каким смеются только боги. Подойдя поближе, юноша увидел зеркальное озеро, в котором купались богиня Афина и его мать, нимфа Харикло. Богиня почувствовала, что на нее смотрят, и тут же предстала перед Тиресием, который не отвел глаза, а с восхищением смотрел на богиню. Афина в гневе вырвала глаза дерзкому юноше. Бросилась Харикло на помощь сыну, но было поздно. Узнала Афина, что это сын ее подружки и в ярости разорвала дружеский союз, но пообещала бывшей подружке исполнить ее последнюю просьбу. Та попросила вернуть зрение сыну. Ответила

богиня, что тот, кого ослепили боги, ослеп навсегда, но в милость бывшей подруге будет наделен Тиресий способностью читать тайные знаки живой жизни, понимать голоса птиц и зверей, видеть грядущее и познавать даже мысли богов, и срок его жизни удлинится втрое, но если он откроет людям мысли богов, то тотчас утратит свой дар прозрения. За этот дар потребовала Афина от Харикло отдать половину бессмертия, и нимфа согласилась. И превратила богиня нимфу в кентавра, ее человеческое тело осталось бессмертным, а конское было смертным. И наступил час, когда она умерла [Мифы Древней Греции 1994: 113—116].

Сюжетная линия этой легенды проста: смертный юноша посмел взглянуть на богиню и был за это наказан. Его мать просила Афину вернуть зрение сыну, но это было невозможно сделать, и богиня в качестве милости дала ослепленному дар прорицателя, потребовав за это половину бессмертия от его матери. Вспомним, что Афина была богиней мудрости, и в этой легенде прослеживается особое понимание мудрости древними греками: способность предвидеть будущее и читать мысли. Этот сюжет иллюстрирует аксиогенное событие «Божья кара». Подобные события исключительно важны для объяснения миропорядка и поэтому составляют основу различных мифов. Из этой легенды вытекают следующие нормы поведения: 1) смертному нельзя приближаться к богам, 2) смертному следует преклоняться перед богами, 3) нельзя изменить решение богов, 4) за милость богов смертным следует расплачиваться. Эти нормы определяют статусные отношения между людьми и богами. Мы видим, что божья кара очень жестока. Подобные отношения переносятся и на людей, занимающих разные позиции на социальной лестнице. Очень важна и норма, определяющая отношение к судьбе: с неизбежностью следует смириться, даже боги не могут отменить свое решение. Заслуживает внимания и то, что в древнегреческой ценностной картине мира божественный дар уравновешивается платой за него.

В мифологических сюжетах разных народов фигурирует аксиогенное событие «Братоубийство».

В Библии говорится о том, что у Адама, первого человека, было два сына, Каин и Авель. Старший был земледельцем, а младший пастухом. Когда братья принесли жертву Богу, жертва младшего брата была благосклонно принята, а жертва старшего — нет. Огорчившись, Каин убил своего брата, а когда Создатель спросил его:

«Где Авель, брат твой?», ответил: «Не знаю; разве я сторож брату моему?». За это преступление Господь проклял Каина и заставил его быть изгнанником и скитальцем на земле, но при этом дал Каину знамение, чтобы того не могли убить (Бытие, 4: 1—15).

Из этого сюжета вытекают следующие нормы поведения: 1) нельзя убивать близких, 2) нельзя испытывать зависть к близким, 3) нельзя впадать в неконтролируемый гнев, 4) нельзя пытаться обмануть Бога. Эти нормы в видоизмененном и расширенном виде вошли в библейские 10 заповедей. Обратим внимание на то, что проклятие не завершилось уничтожением Каина.

В легенде об основании Рима говорится следующее.

Царская дочь Рея Сильвия была весталкой. Однажды ей приснилось, что ей явился бог войны Марс и вступил с ней в союз. Вскоре она родила двух близнецов — Ромула и Рема. Рея Сильвия была казнена, а младенцев посадили в корзину и пустили плыть по Тибру. Когда вода стала сбывать, корзина оказалась на суше, и волчица, пришедшая с гор утолить жажду, услышала жалобные крики брошенных детей и принялась их кормить. Пастух, увидев это чудо, взял себе Ромула и Рема и воспитал их. Став юношами, братья решили основать город на том месте, где были найдены. Основав его, они стали спорить о первенстве и о том, кому из них назвать своим именем город. Произошла схватка, в результате которой Рем был убит. Ромул дал городу законы и затем исчез [Мифы Древнего Рима 1995: 469—470].

В чудесной предыстории основания Рима фигурируют сюжеты, объясняющие божественное происхождение города. Обратим внимание на то, что в легенде Ромул не несет наказания за убийство своего брата. Кровь Рема является своеобразным жертвоприношением новому городу. Известно, что при постройке зданий в разных культурах было принято приносить кровавые жертвы богам. Тем не менее можно вывести норму поведения, вытекающую из ссоры братьев: не следует доводить спор до убийства. В легенде названа причина спора: право первенства и вытекающее отсюда право на наименование города.

Египетская легенда, в основе которой лежит сюжет братоубийства, детально разработана.

В египетской мифологии у бога земли Геба и богини небесной тверди Нут родились дети Осирис, Исида, Сет и Нефтида. Когда верховный бог солнца Ра состарил-

ся, Осирис взошел на трон, установил справедливые законы для людей, и благодаря ему установился длительный мир. Затем он отправился в путешествие, оставив на троне свою супругу Исиду. Его брат Сет был завистлив и решил хитростью одолеть Осириса. Для этого был изготовлен богато украшенный сундук по мерке царя. Во время пира было объявлено, что сундук будет подарен тому, кому этот сундук будет впору. Таким оказался Осирис. Как только он лег в сундук, сообщники Сета захлопнули крышку, заколотили и запаяли ее и бросили этот сундук в воды Нила. Исида отправилась искать своего мужа, а Сет взошел на трон. Во время странствий у Исиды родился сын Гор. Волны вынесли гроб с Осирисом в Сирию, вокруг этого сундука выросло священное дерево, и ствол этого дерева был поставлен во дворце сирийского царя как священная колонна. Исида нашла эту колонну и уговорила царя отдать ей гроб с телом Осириса. Но когда она приплыла на корабле в Египет, Сет нашел этот сундук и приказал разрубить тело Осириса на 14 частей, которые были брошены в Нил на съедение крокодилам, однако рептилии не тронули их. Тем временем вырос сын Осириса Гор, он пошел войной на Сета и Сет был разрублен на части Гором также, как он сам разрубил Осириса. Впоследствии Осирис стал правителем царства мертвых [Египетская мифология 2002: 55—62].

В основе сюжета лежит противоборство родных братьев — Осириса и Сета, при этом заранее известно, что первый был добрым, а второй — злым. Сету удалось с помощью хитрости заманить брата в ловушку и убить его. Опасаясь чудесного воскрешения Осириса, Сет приказал расчленить тело брата. Сказание завершается отмщением — сын Осириса побеждает своего дядю и вершит над его телом такую же казнь, как и та, которой был подвергнут его отец. Приведенный миф интересен также описанием поведения Исиды, преданной супруги Осириса. Из этого сюжета можно вывести следующие нормы поведения: 1) нельзя убивать близких, 2) не следует завидовать близким, 3) не следует поддаваться на хитрость, 4) следует мстить за нанесенную обиду, 5) следует придерживаться паритетного возмездия.

Мы видим, что аксиогенное событие «Братоубийство» по-разному уточняется в различных культурах. Показано, что причиной преступления обычно являются зависть и гнев.

Обратимся к притчам. Эти аллегорические истории повествуют о событиях, иллю-

стрирующих те или иные ценности и нормы поведения и мировосприятия. Применительно к притчам мы сталкиваемся не столько с событиями, сколько с ситуациями, требующими ценностного осмысления.

Заслуживает внимания притча, в которой повествуется об аксиогенной ситуации «Сравнение».

Однажды царь Акбар начертил прямую линию и спросил своих министров:

— Как сделать эту линию короче, не прикасаясь к ней?

Бирбал считался самым мудрым человеком в государстве. Он подошел, и начертил рядом с этой линией другую, но более длинную, тем самым умалив достоинство первой.

Мудрый царедворец нашел оптимальное решение для поставленной задачи. Из этого события вытекают следующие нормы поведения: 1) следует знать, что у любой задачи есть решение, 2) следует использовать сравнение для определения явления.

Следующая притча может послужить иллюстрацией для аксиогенного события «Усвоение урока».

У одного мастера дзэн был внук, любивший послушать своего дедушку. И вот однажды он разбил хрустальную вазу, которой дед очень дорожил. Не дожидаясь, пока это обнаружат, мальчик сам подошел к деду и спросил: «Помнишь, ты говорил, что всему на свете есть срок?» «Да, верно», — согласился мастер. «Так вот, срок жизни твоей любимой хрустальной вазы уже истек».

Мы видим, что мальчик научился оперировать философскими суждениями. И хотя мастеру было жаль, что ваза разбита, думается, что он выслушал слова своего внука с мудрой улыбкой понимания. Эта притча содержит следующие ориентиры поведения: 1) следует находить подходящие слова для сообщения, 2) следует знать, что всему на свете есть срок.

Мы часто не видим положительных сторон жизни, обращая внимание лишь на отрицательные:

Пришло время Мастеру проверять своих учеников. Он позвал троих, взял белый лист бумаги, капнул на него чернила и спросил:

— Что вы видите?

Первый ответил: «Черное пятно». Второй: «Кляксу». Третий: «Чернила». Монах заплакал и ушел в свою келью. Позже ученики спросили:

— Почему Вы плакали?

Монах сказал:

— Никто из вас не увидел белого листа.

В приведенной притче иллюстрируется аксиогенная ситуация «Умение видеть суть». Ученики мастера не обратили внимания на главное. Отсюда вытекают следующие мировоззренческие установки: 1) следует видеть в жизни как плохое, так и хорошее, 2) следует в первую очередь замечать хорошее.

Заслуживает внимания притча, выражающая мировоззренческую установку — видеть положительное в отрицательном:

Когда спросили райскую птицу, откуда ее блестящее оперение, она ответила: „Множество отравленных стрел скользило по мне, и сильнейший яд дал лучшую окраску“. Так будем благодарить стрелков!

Эта философская позиция является примером позитивного отношения к жизни, свойственного настоящим мудрецам.

Наглядный пример гораздо убедительнее долгих рассуждений:

Один Правитель после Государственного Совета взял глиняную вазу и разбил на глазах у всех. Когда его спросили о значении сделанного, он сказал: „Напоминаю о непоправимости“.

Поступок правителя может показаться театральным жестом, но с учетом того, что на заседании совета принимаются серьезные решения, касающиеся будущего страны, акцентирование ответственности за принятые решения выглядит вполне убедительно и иллюстрирует следующие нормы поведения: 1) следует использовать наглядные примеры в ситуациях, не терпящих отлагательства, 2) следует помнить о непоправимости событий.

К притчам часто прибегают для убеждения в важнейших мировоззренческих истинах. К числу таких истин в религиозном дискурсе относится идея о милости Творца:

Один человек умер. И тогда он увиделся с Богом. Бог сказал ему:

— Хочешь, я покажу карту твоей жизни?

— Конечно, хочу, — сказал человек.

Тогда Господь достал карту и стал показывать ее человеку. На карте были две пары следов. Человек спросил:

— А чьи это следы?

— Мои — ответил Бог — я всю твою жизнь шел с тобой рядом.

Но вдруг человек обратил внимание, что в самые трудные и в самые тяжелые времена своей жизни на карте были только одни следы.

— Господи, но почему же ты покидал меня в самые тяжкие моменты моей жизни? Почему, когда у меня было все хорошо — ты шел рядом, а когда вся моя жизнь рушилась — твоих следов на карте нету?

— Потому что в эти моменты я нес тебя на руках.

Тезис о том, что Бог благ и милостив, является краеугольным камнем веры. Приведенная притча иллюстрирует аксиогенное событие «Понимание Божественной милости». Из этого текста вытекают следующие нормы поведения: 1) следует знать, что Создатель всегда рядом, 2) следует знать, что Бог любит человека, 3) следует знать, что Бог придет на помощь.

Очень важным является аксиогенное событие «Понимание своей ответственности»:

Бог слепил человека из глины, и остался у него неиспользованный кусок.

— Что еще слепить тебе? — спросил Бог.

— Слепи мне счастье, — попросил человек.

Ничего не ответил Бог, и только положил человеку в ладонь оставшийся кусочек глины.

Эта притча в образной форме иллюстрирует известное суждение о том, что человек — сам кузнец своего счастья.

Наиболее важные наблюдения касаются proverbialных событий, т. е. событий, образующих паремииологический фонд языка и культуры. В разных языках мира одно и то же аксиогенное событие обозначается с помощью разных образов. Так, идея о том, что при поединке двух сильных противников добыча может достаться слабому наблюдателю, выражается следующим образом: *Два ястреба дерутся — воробью корм достанется* (адыгейск.); *Собаки подрались — нищий обрадовался* (грузинск.); *Два сокола поссорятся — вороне корм перепадет* (узбекск.); *Когда дерутся моллюск с бекасом, выигрывает рыбак* (японск.). Римляне выражали эту идею коротко: *Tertius gaudens — Третий радующийся* (латинск.).

Акцентируется аксиогенная идея извлечения пользы для слабого противника из противоборства сильных. Эта мысль отражена в одной из древних китайских стратем — боевых правил ведения войны с более сильным противником: *«Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров»* [Сидорков 1997]. Использование разногласий или борьбы между противниками для собственной выгоды отмечено в качестве важного правила выживания.

Proverbialное аксиогенное событие может быть развернуто в описание определенного случая. Например: *Из круглых камней стена непрочная* (китайск.). Смысл этой пословицы состоит в том, что нельзя угождать всем: круглый — не имеющий углов, т. е. не имеющий недоброжелателей. Если

развернуть пословицу в повествование, то можно прийти к такой притче:

Для строительства стены взяли круглые камни, они не могли зацепиться друг за друга, стена оказалась непрочной и рассыпалась.

Уточним: смысл приведенной пословицы сводится к совету выбирать себе друзей, которые могут сказать тебе и неприятные вещи, потому что те, кто хочет всем угодить, вряд ли будут надежны.

В некоторых пословицах в спрессованном виде прослеживается история народа: *Вымершие халдейцы веют соломой ассирийцев гнилыми вилами арамейцев* (ассирийск). Упоминаются жители Древнего Ближнего Востока — халдеи, ассирийцы и арамейцы, которые когда-то воевали друг с другом, при этом халдеи и арамейцы ассимилировались и исчезли как этносы, а ассирийцы остались, хотя и не получили своего национально-государственного суверенитета. В пословице выражена идея торжества над исчезновением. Было время, когда Ассирия была могучей державой, затем государство прекратило существование, но народ остался. В качестве прототипного события, лежащего в основе аксиогенной ситуации, взято сельскохозяйственное производство: веять значит очищать обмолоченное зерно от мякины и сора, подбрасывая его в направлении против ветра. В приведенной пословице значимы атрибуты «*вымершие халдейцы*» и «*гнилые вилы арамейцев*», т. е. проводится антитеза «жизнь — смерть». Вместе с тем обратим внимание на то, что сами ассирийцы свою соломой не обрабатывают, а горделиво подчеркивают свой статус хозяев, на которых работают другие. Они не просто сохранились, но и остались в своей душе представителями великого царства. На мой взгляд, в данном случае аксиогенным событием является сохранение народа вопреки обстоятельствам.

Все пословицы можно разделить на два класса: предписания о том, что надо вести (или не вести) себя определенным образом или принять нечто к сведению. К первому типу паремиологических единиц относится, например, следующее речение: *Никакой лимон сладким не сделаешь* (бенгальск.).

Известно, что лимон является прототипным представителем кислых фруктов, и невозможно вывести сладкие лимоны. Отсюда вытекает более общий вывод о том, что не следует вкладывать силы в заведомо невыполнимое дело. Демонстрация отрицательного опыта (в том числе и воображаемого) — сильное аргументативное средство. Словосочетание «сладкий лимон» в данном

случае представляет собой оксюморон с символическим смыслом невозможного положения дел.

Ко второму типу пословиц относится следующее речение: *Привязанный буйвол ненавидит пасущегося* (вьетнамск.).

Речь идет о зависти несвободных к свободным. Обратим внимание на то, что в данном речении нет призыва к борьбе за свободу. Аксиогенный смысл состоит в совете принять к сведению, что имеет место определенное положение дел. С иных позиций эту пословицу можно проинтерпретировать и как отношение к неравенству. С позиции наблюдателя (именно такая позиция выражена в паремии) выражено мнение, что неравенство существует, и было бы наивным предполагать, что те, кто оказался в худшем положении, будут хорошо относиться к тем, кому повезло.

Аксиогенные события широко представлены в смеховом жанре городского фольклора — анекдоте. Отметим, что вовсе не все анекдоты отражают событие, достаточно часто в них представлена некая ситуация в статье, например, смешные определения, сравнения, загадки и др. Тем не менее прототипный анекдот представляет собой нарратив, в котором отражено некоторое событие:

Едет по лесу Илья Муромец и видит: сидит на высоком дереве Соловей Разбойник и рубит сук, на котором сидит. Говорит ему Илья Муромец: „Упадешь!“. А Соловей Разбойник отвечает: „Ступай себе мимо!“. Проехал немного Илья Муромец и слышит сзади треск, хруст и ругань. Оглядывается, а там Соловей Разбойник еле поднялся с земли и кричит: „Ах ты, колдун проклятый!“.

В этом тексте показана комичная ситуация неумения видеть очевидные последствия своих действий. Отсюда следует, что нельзя вести себя глупо. Обратим внимание на аллюзии в приведенном анекдоте: его участниками являются известные персонажи русского фольклора Илья Муромец и Соловей-разбойник, а ключевым образом выступает действие — рубить сук, на котором сидишь (этот фразеологизм означает приносить себе вред глупыми поступками). По мнению Г. Г. Слышкина, в смеховой картине мира выделяются четыре системообразующих концепта: «нелепое» (это вызывает приятное чувство собственного превосходства), «страшное» (перемещение страшного в комический контекст позволяет избавиться от страха), «запретное» (это дает возможность освободиться от социальных табу) и «претенциозное» (карнавальное переворачивание высокого и низкого с целью компенсации не-

возможного в культуре официальной) [Слышкин 2004: 206—212]. В приведенном анекдоте реализуется концепт «нелепое».

Заслуживают внимания литературные анекдоты, размещенные в Интернете, в которых осмысливаются аксиогенные ситуации. Весьма часто в качестве ключевого образа в этих текстах обыгрывается абсурдное положение дел. Например: *Чтобы наглядно доказать, что его предмет в будущем пригодится, учитель геометрии порезал колбасу транспортиром*.

Транспортир, плоский инструмент для измерения углов, обычно изготавливаемый из металла или пластмассы, не должен использоваться в качестве режущего орудия. Своим поступком учитель доказывает обратное: его предмет не может пригодиться учащимся. Отсюда вытекает, что не следует приводить аргументы, которые противоречат здравому смыслу. Аналогичным образом высмеивается и другая ситуация несоответствия цели и средства: *Если вы заблудились в лесу, а компаса под рукой нет, дождитесь осени — птицы полетят на юг!*

Этот текст представляет собой пародию на жанр полезных советов, публикуемых в прессе. Обычно такие советы носят утилитарно-практический характер — как удалить накипь, избавиться от неприятного запаха в шкафу и т. д. Известно, что осенью перелетные птицы летят на юг. Но нелепо ждать осени, оказавшись в лесу без компаса, чтобы определить расположение сторон света. Аксиогенная норма, вытекающая из этого текста, сводится к требованию вести себя в соответствии со здравым смыслом.

К числу абсурдных ситуаций относится совмещение несовместимых событий: *На свадьбе волейболистки подружки невесты два часа не давали букету упасть*.

Традиционным ритуалом на свадьбе является преподнесение невесте букета цветов. В приведенном анекдоте происходит отождествление букета с волейбольным мячом, а свадьба превращается в спортивное событие. Отсюда вытекает норма: не совмещать несовместимое.

Неспособность переключиться в новую ситуацию из привычной также часто является предметом осмеяния: *Концерт чечеточников свел с ума трех человек из зала, которые знали азбуку Морзе*.

Чечетка (степ) — это быстрый танец, отличительной особенностью которого является ударная работа ног. Азбука Морзе представляет собой знаковую систему, в которой буквы обозначаются в виде комбинаций длинных и коротких сигналов. Попытка услышать в танце чечеточников текст морзянки

является абсурдной, и в этом состоит смеховой эффект приведенной фразы. Мы понимаем, что не следует принимать частичное внешнее сходство разных явлений за совпадение по сути.

Комический эффект многих анекдотов состоит в комбинации несопоставимых ситуаций: *Опытный продавец арбузов одним щелчком по голове может определить, готов его сын к экзамену или нет*.

Знатоки могут щелчком определять степень спелости арбуза. Голова студента сравнивается в данном тексте с этим плодом, и это вызывает улыбку. Аналогичным образом в анекдотах комбинируются явления, относящиеся к разным эпохам: *Ученые-археологи нашли шлем Александра Македонского, а через десять метров нашли его мотоцикл*.

Во времена великого завоевателя древности Александра Македонского воины носили металлические шлемы на голове для защиты от ударов. Царский шлем был обычно богато украшен. В наши дни защитные пластиковые шлемы носят мотоциклисты. Известно, что этот вид транспорта весьма опасен. Приведенный анекдот представляет собой иллюстрацию черного юмора: речь идет о несчастном случае. Первая часть фразы воспринимается как достоверная информация, а вторая часть карнавально переворачивает содержание предшествующего текста. Отсюда можно вывести совет критично воспринимать новости. Разумеется, такая интерпретация не является единственно возможной.

Важной отличительной особенностью литературных анекдотов являются аллюзии: *Младший брат Юлия Цезаря мог одновременно делать три действия: завидовать, плакать и донашивать вещи*.

Перед нами карнавальное переворачивание известного факта — способности римского политика и полководца одновременно делать несколько дел. В данном случае не существенно, был ли у Юлия Цезаря младший брат. То, о чем говорится, нельзя назвать действиями. Мы понимаем, что были основания завидовать Цезарю. Приведенная шуточная фраза рекомендует всем знать свое место, по возможности не завидовать тем, кто старше, опытнее, талантливее, и не плакать.

В анекдотах данного типа пародируются и определенные речевые жанры: *Из-за преступной халатности работников Эрмитажа картина Казимира Малевича „Черный квадрат“ два месяца провисела вверх ногами*.

Известно, что у квадрата нет верха и низа. В приведенной шутке, пародирующей фразу из приказа или распоряжения, гово-

рится о знаменитой картине русского авангардиста «Черный супрематический квадрат», и соль анекдота состоит в том, что работников музея обвиняют в халатности, а затем сообщают, что ошибка спустя два месяца была исправлена, хотя никакой ошибки здесь быть не могло. В этом анекдоте можно увидеть совет вникать в содержание того, о чем сообщается.

Весьма часто в анекдотах критически оценивается наша действительность: *Мистическая сенсация: чиновник, не бравший взятки, ушел на пенсию по воде.*

Известно, что Иисус Христос обладал чудесной способностью ходить по воде. Честный чиновник в приведенном тексте сравнивается с Сыном Божиим, и мы понимаем, что взяточничество воспринимается как естественное поведение в кругу этих людей, и этому не следует удивляться. В анекдотах сатирически изображена современная власть: *Маньяк опрыскал деньги ядом и пожертвовал их детскому дому. Погибло двадцать депутатов, два мэра и один министр.*

Деньги, пожертвованные детскому дому, оказываются разворованными, и к преступлению причастны различные должностные лица. Из этого анекдота вытекает установка: не следует жалеть представителей власти, попавших в беду, поскольку они заслужили ее.

Анекдоты не претендуют на сообщение объективных фактов и закономерностей, но подмечают особенности человеческой природы: *Ученые предполагают, что основная причина роста детской жестокости — пазлы на 2000 деталей.*

Пазлы — это складные картинки, игрыголоволомки, в которых из множества фрагментов различной формы нужно составить целое изображение. Понятно, что собрать такую картину из огромного числа частей невозможно, это приводит играющего в ярость. Разумеется, причина детской жестокости состоит вовсе не в том, что нельзя выполнить условие игры. Вместе с тем приведенный текст может быть проинтерпретирован как шуточный совет: не превращать развлечение в мучение.

В анекдотах находят отражение реалии нашего времени: *Террористы захватили винный магазин и уже третий день не могут сформулировать свои требования.*

Террористы, захватывающие заложников и проливающие кровь людей, стали частью нашей обиходной жизни. Обычно они выдвигают те или иные требования к властям. Цитируемый текст представляет собой образец абсурдного юмора, цель которого — посмеяться над ужасной ситуацией и тем самым преодолеть страх перед ней. Мы ви-

дим, что террористы — обычные люди, у них те же слабости, что и у всех. Из этого анекдота вытекает новая аксиогенная норма: не следует впадать в ступор, столкнувшись с террористами.

Распространенные суеверия часто обыгрываются в анекдотах: *Кактус, который семь лет простоял возле монитора компьютера, умеет переустанавливать Windows.*

Некоторое время тому назад циркулировало мнение о том, что кактус, поставленный рядом с системным блоком и монитором компьютера, уменьшает радиацию этого электронного прибора и тем самым оказывается полезным для здоровья тех, кто много времени проводит за компьютером. Это мнение ничем не было обосновано, как и использование определенных защитных экранов на мониторы, якобы способствующих устранению вреда от мерцания. Идея необоснованности таких представлений доведена в анекдоте до абсурда: переустановить систему «Windows» может, как правило, только специально подготовленный человек. Отсюда вытекает совет: следует критически воспринимать суждения о пользе и вреде технических устройств (и не только их).

Заслуживают внимания анекдоты, являющиеся новой оболочкой для известных суждений: *Школьная повариха тетя Зина устроилась работать барменом, но какой бы коктейль она ни готовила — все равно получается борщ.*

В этом примере в новом виде выражена старая истина о том, что невозможно изменить суть человека. Эта мысль представлена в различных пословицах. Интересны контрастные образы: коктейль и борщ. Заметим, что не все аксиогенные нормы, выраженные в пословицах или притчах, получают экспликацию в анекдотах. Вероятно, для определенных лингвокультур и исторических эпох на первый план выдвигаются те ценности, которые оказываются наиболее значимыми для носителей культуры. В некоторой степени здесь уместна параллель с концептуализацией мира: более подробно и плотно обозначаются те фрагменты реальности, которые более важны для говорящих. Соответственно можно говорить о различной аксиологической плотности ситуаций и реалий.

Подчеркну, что анекдот не претендует на выражение объективной истины, но может рассматриваться как знак интереса общества к тому или иному явлению: *Русская речь без мата превращается в доклад.*

В этом шуточном речении есть рациональное зерно. Об этом факте нашего бытия писал М. А. Кронгауз, замечая, что отсутст-

вие мата в речи мужчин на сокращенной дистанции общения сегодня воспринимается с подозрением [Кронгауз 2009]. Это объясняется тем, что вульгаризмы выступают как сигналы интимизации и доверительности, а их отсутствие — как желание говорящего вести общение на официальном уровне. Приходится констатировать, что всё чаще гендерная специфика использования вульгаризмов на сокращенной дистанции общения нивелируется применительно к различным группам населения.

Таким образом, аксиогенные ситуации получают множественное и вариативное осмысление в жанре анекдота.

Казуальные (*casus* — случай) аксиогенные события составляют основу тех ситуаций, которые, накапливаясь в коллективной памяти, образуют фактуру для оценочных суждений.

Запоминаются аксиогенные события «Неадекватная стимулу реакция»:

Мэтью Арнольд (Matthew Arnold), английский поэт и литературный критик, был известен своей бескомпромиссной строгостью. Он был также чиновником отдела образования. Однажды одна шестилетняя девочка попросила его почитать ей книгу. Он ответил ей, что очень удивлен и огорчен ее просьбой, и потребовал от нее, чтобы она немедленно научилась читать, иначе он посадит ее родителей в тюрьму. Через несколько недель ребенок уже читал.

Если бы взрослый человек просто выполнил просьбу ребенка или даже пожурил девочку за то, что она не умеет читать, этот факт не стал бы аксиогенным. Угрозы оказываются действенным способом добиться быстрого успеха. Аналогичный смысл имеет и сюжет о расстреле безбилетных пассажиров в Германии. Страх перед наказанием становится одним из базовых мотивов поведения законопослушных граждан. Подчеркну: реальность или фикциональность такого события оказывается нерелевантной для того, чтобы оно было осмыслено как аксиогенное.

Очень значимо аксиогенное событие «Предательство своих». Этот сюжет хорошо разработан в мифологии и литературе и частотен в повседневном поведении. Например:

Когда известного отечественного ученого-генетика Николая Ивановича Вавилова судили, его коллеги по очереди вставали и критиковали его. После каждого выступления академик говорил „спасибо“ выступившему. Но в одном случае он сказал: „Вас я не благодарю, Вы не мой ученик“ (этот случай был мне рассказан моим научным

руководителем при написании кандидатской диссертации профессором Георгием Сергеевичем Клычковым).

Рассматриваемое событие является сложным по своей структуре и распадается на две части: «доверие — предательство» и «узнавание о предательстве — реакция на предательство». В приведенном примере проиллюстрирована вторая часть данного положения дел. Ожидаемыми являются возмущение и скорбь со стороны пострадавшего, но вместо этого он благодарит своих обвинителей, а случай демонстративного нежелания благодарить лишь усиливает идею сожаления о том, что помощь была оказана недостойным людям. Благодарность превращается в обвинение, и этот переход приобретает аксиогенный смысл.

Мена местами придуманного и реально-го положения дел — традиционный прием сюжетопостроения. Все знают, что существует логика реального и придуманного миров, которые не пересекаются. Но в ряде случаев происходит трансформация этих миров, и такие случаи заслуживают внимания. Например:

Известный английский актер и драматург Нозль Кауэрд (Noel Coward) любил розыгрыши. Однажды он отправил одинаковые анонимные письма 20 самым известным лондонцам с текстом: „Всё обнаружено. Спасайтесь, пока можете“. К утру все 20 покинули город.

В аксиогенном событии «Переворачивание реальности» то, что рассматривалось как невероятное, становится действительностью. Комический эффект этого события состоит в том, что у известных лондонцев были причины спастись (имплицитруется то, что у них были проблемы с законом).

Заслуживает внимания анекдотичный случай, приведенный в «Грешных записках» Льва Дурова:

Турист из Германии приехал в Тверскую область, чтобы поохотиться на медведя. Это — очень дорогая поездка. Зверя никак не могли найти, но вспомнили, что в областном цирке есть медведь, у которого обнаружили катаракту и которого собираются усыпить. Удалось договориться с работниками цирка, медведя привезли в лес, в назначенный вечер егеря сняли с него намордник и выпустили его в определенном месте. Недалеко была тропинка, и на ней оказалась дачница на велосипеде. Увидев зверя, она бросила велосипед и сумку и со всех ног пустилась бежать, а медведь спокойно поднял велосипед, сел и поехал. Охотник после этого два месяца пролежал в больнице с инфарктом.

Приведенный пример относится к аксиогенному событию «Курьезное происшествие», которые весьма вариативны. Заметим, что в этой странной охоте развиваются сценарии, каждый из которых вовсе не комичен: обреченный цирковой зверь, испуганная на смерть дачница, получивший инфаркт турист, — но основной сюжет события представляет собой накладку двух несовместимых фреймов: охота на дикое опасное животное и веселое цирковое выступление этого животного. Ситуация становится комической, а медведь на велосипеде в лесу превращается в символ абсурда.

Аксиогенные события активно используются в средствах массовой информации.

Несколько лет тому назад в китайской прессе сообщалось о том, что был совершен дерзкий налет на банк, завязалась перестрелка, в ходе которой полицейский получил серьезное ранение. Об этом узнала мать налетчика и каким-то образом догадалась, кто ранил полицейского. Она сумела убедить сына пойти в полицию и сдать его. После того, как этот человек сдался, он обратился к властям с просьбой встретиться с раненым офицером, чтобы попросить у него прощения, и эта просьба была удовлетворена. Раненый офицер скончался, а налетчик по приговору суда был осужден и получил длительный срок тюремного заключения.

Данный текст является пересказом, иллюстрирующим аксиогенное событие «Покаяние». Суть этого события состоит в том, что некто, совершив серьезный проступок или преступление, осознает свою вину, признается в том, что совершил, осуждает себя, просит прощения и несет наказание. Подобные события несут высокий эмоциональный заряд, вызывают катарсис и поэтому активно используются в религиозном и художественном дискурсе. В приведенном виде фабула дана как информационное газетное сообщение в пересказе, но она может быть развернута в рассказ или другой жанр художественной литературы. Из данного текста вытекают следующие нормы поведения: 1) нельзя совершать преступления; 2) нельзя причинять вред здоровью кого-либо; 3) следует восстанавливать справедливость; 4) следует чистосердечно раскаиваться в совершенном преступлении; 5) следует исполнять родительскую просьбу. В современной российской прессе подобное сообщение выглядело бы неестественно: доминирующая тональность наших массмедиа является ироничной и не допускает патетики.

Аксиогенные события весьма вариативны по тематике. Важной разновидностью таких событий является «Ловкий выход из

затруднения». Приведу пример из мемуаров актера Анатолия Равикovichа «Негероический герой»:

Как-то я присутствовал на вечере Акимова, где он рассказывал о своих впечатлениях от поездки в Америку. Впрямую он не хвалил Америку, но получалось, что у них все не так уж плохо.

— А каково там положение актеров? — строго спросила дама из кабинета марксизма-ленинизма.

Николай Павлович на секунду задумался, потом сказал:

— В Америке положение плохого артиста очень плохое.

Режиссер одного из столичных театров рассказывает о своей поездке в США. В то время имело место идеологическое противостояние СССР и США, и поэтому в публичных выступлениях следовало критиковать порядки, которые царят в цитадели империализма. Собравшиеся поняли, что деятель искусства не осуждает страну, в которой он побывал, хотя прямых похвал произнесено и не было. На таких выступлениях обычно присутствовали представители партийных органов, осуществлявшие контроль над поведением творческой интеллигенции. Значимым является наречие «строго» в вопросе дамы из кабинета марксизма-ленинизма. Предполагалось, что режиссер поймет обращенный к нему призыв акцентировать обличение пороков буржуазного общества. Прозвучавший ответ свидетельствует об умении режиссера с честью выйти из затруднительного положения: он подтверждает то, что актерам в Америке плохо, но уточняет — плохим актерам. Из этого ответа вытекают важные следствия: хорошим актерам там совсем не плохо, а плохим актерам в нашей стране живется лучше, чем их американским коллегам. Такая саркастическая оценка, выраженная в остроумной форме, иллюстрирует следующие нормы поведения: 1) следует находить выход из затруднительного положения, 2) следует говорить правду так, чтобы не навредить себе.

Заслуживает внимания сложное аксиогенное событие «Прощение», о котором рассказал Михаил Козаков в своей «Актерской книге».

Сергей Иванович Кавтарадзе прожил долгую и богатую событиями жизнь. В молодости он был профессиональным революционером и познакомился с молодым Сталиным, тогда носившим кличку Коба. После революции он примкнул к одной из платформ, линия которой шла вразрез с генеральной линией партии, и был посажен в тюрьму, где провел более 10 лет. Перед

войной его выпустили на свободу, и он работал в московском издательстве, в котором был опубликован новый перевод поэмы Шота Руставели „Витязь в тигровой шкуре“. Говорили, что Сталин, в юности писавший стихи, правил этот перевод. Однажды вечером за С. И. Кавтарадзе приехала большая черная машина, он приготовился к худшему, но его привезли в Кремль. Сталин приказал накрыть стол и после нескольких рюмок спросил: „Сергея, ты не хочешь пригласить меня к себе в дом?“. Вопрос был задан неспроста. По грузинскому обычаю, окончательное прощение за нанесенную обиду обиженная сторона должна подтвердить, пригласив обидчика к себе в дом. И когда хлеб будет преломлен и бывшие враги выпьют друг с другом в доме обиженного, произойдет полное отпущение грехов. Обиженным был Кавтарадзе, и исполнить старый обычай надлежало ему.

— Ну, так как, Сергей? — повторил Сталин.

— Что ты, Иосиф, конечно, конечно, — растерялся Кавтарадзе. — Но ведь я живу в коммуналке и как смогу принять там дорогого гостя? Да и чем я сейчас тебя приму?..

— Так ты не зовешь меня, Сергей, — с грустью отметил Сталин. — Ну, как знаешь...

— Нет, ты меня неправильно понял, Иосиф! Я счастлив тебя позвать, счастлив! Но ты же понимаешь, я живу в коммуналке...

Увидев в глазах Сталина искорки, не предвещавшие, как он знал, ничего хорошего, Сергей Иванович все-таки решился:

— Я прошу тебя быть моим гостем, когда ты захочешь!

— Сейчас, — сказал Сталин.

И они приехали в коммунальную квартиру к С. И. Кавтарадзе, выпили, поцеловались, преломили хлеб и вспоминали о молодости. На следующий день С. И. Кавтарадзе был назначен заместителем министра иностранных дел.

После войны Сталин, гуляя с Сергеем Ивановичем по саду и подрезая ножницами куст, вдруг резко повернулся и зло бросил:

— А все-таки ты желал моего падения, когда примкнул к враждебной мне платформе!

На этот раз Кавтарадзе все-таки не посадили, а отправили в почетную — и не худшую из почетных — ссылку, послом в Румынию.

В этом тексте речь идет о событии, имеющем сакральный символический смысл — о примирении старых друзей, а знаком этого

примирения является прощение. Вспомним, что Сталин в то время, о котором идет речь, был абсолютным властителем страны, по его приказу в пыль могли превратиться люди и целые народы. Зачем понадобилось вождю проходить через ритуал прощения? Для чего нужно было поступать в соответствии со старинным грузинским обычаем тому, кто сказал однажды: «Я человек русской культуры»? Примем этот нарратив в качестве исторического факта, допуская, что рассказчик внес некоторые фабульные уточнения в сюжет (запись беседы Сталина и Кавтарадзе не запротоколирована, какие именно слова были сказаны, мы не знаем). Возможно, вождю захотелось вновь, как когда-то в молодости, испытать чувство дружеской поддержки. В целом этот нарратив развивается зигзагообразно: совместная революционная деятельность (возможно, с участием в вооруженных налетах), безжалостный приговор за непопулярность (хотя и не расстрел), внезапное приглашение для того, чтобы получить прощение, последующее высокое назначение и столь же внезапное понижение (в виде почетной ссылки). Не исключено, что причиной, побудившей Сталина вспомнить о старом друге, было бессмертное произведение Руставели. В поэме говорится о дружбе как высшем проявлении человеческих качеств. В окружении вождя друзей не было, известно, что он постоянно ждал покушения на свою жизнь. В приведенном аксиогенном событии выражены следующие нормы поведения: 1) следует помнить о друге, 2) следует попросить прощения у друга, если обидел его, 3) следует помогать другу, 4) следует соблюдать родные обычаи. Отметим, что безмерная жестокость и патологическая подозрительность парадоксально уживались в душе диктатора с высокими идеалами чести и верности. Психологически точно показано развитие сюжета: Сталин сам поставил вопрос о том, чтобы его пригласили в дом. Если бы Кавтарадзе первым сказал об этом или же без колебаний позвал Кобу к себе, тот бы, возможно, усомнился в искренности старого друга. В нужный момент прозвучала фраза: «Я прошу тебя быть моим гостем, когда ты захочешь!» Прощение было получено. Вместе с тем мы видим, что Сталин постоянно носил в сердце обиду на тех, кто когда-то не поддержал его.

Подведем основные итоги.

В качестве единицы референциальной базы ценностной картины мира представляется возможным ввести понятие «аксиогенная ситуация» — положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысле-

ние. Разновидность такой ситуации — аксиогенное событие — имеет бинарную структуру, в нем выделяются инициальная и финальная стадии, причем финальная стадия должна быть в определенной степени непредсказуемой. Существуют выработанные коммуникативной практикой специальные жанры для интерпретации аксиогенных ситуаций — легенды, притчи, пословицы, анекдоты, казуальные нарративы. Содержание аксиогенных ситуаций может быть выражено в виде аксиогенных норм — исследовательских конструктов, в которых сформулированы те или иные прескрипции поведения в форме запретов или рекомендаций. Перспективным направлением для осмысления аксиогенной ситуации как одного из понятий лингвокультурологии является выявление национальной, социально-групповой и исторической специфики аксиологической плотности в различных фрагментах ценностной картины мира того или иного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е. В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. — Волгоград : Перемена, 2003.
2. Вежибицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1999.
3. Воркачев С. Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования : моногр. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. С. 8—93.
4. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. — М. : Глобал Ком, 2013.
5. Египетская мифология : энцикл. — М. : Эксмо, 2002.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
7. Колесов В. В. Язык и ментальность. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2004.
8. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : моногр. — М. : Гнозис, 2008.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М. : Гнозис, 2002.
10. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд. — М. : Знак, 2009.
11. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М. : Языки славянских культур, 2009.
12. Мифы Древней Греции. — Саратов : Надежда, 1994.
13. Мифы Древнего Рима. — Саратов : Надежда, 1995.
14. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. — Кемерово : Графика, 2004.
15. Сидорков С. В. Функционально-семантические аспекты языковой стратемности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 1997.
16. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : моногр. — Волгоград : Перемена, 2004.
17. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
18. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 58—65.
19. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М. : Языки славянской культуры, 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов